

Семиотика форм хранения негенетической информации

С.Г. Проскурин
НОВОСИБИРСК

Каким образом в языках и культуре информация хранится и передается из поколения в поколение? Типология таких форм хранения негенетической информации в культуре зависит от фундаментальных свойств знака, его ресурса как потенциально занятого контента. Здесь необходимо подчеркнуть качественную вероятность знака, т.е. его существования как некоторой потенции (перед нами элемент первой трихотомии Ч.С. Пирса – квалисигн).

С позиций классической семиотики, а именно теории Ч.С. Пирса, удобно воспользоваться отношением репрезентамена (т.е., например, лингвистической формы) к объекту. В отношении реальной действительности существует три вида информационных моделей: знаки-иконы, знаки-индексы и знаки-символы (перед нами вторая трихотомия Пирса).

Когда знак обретает способность к функционированию в языках и культуре, т.е. становится конечной интерпретантой, в связи с его способностью организовать суждение (подробнее о третьей трихотомии Пирса и о двух ранее упомянутых см. (Proskurin 2007)), то его семиотика становится достоянием культуры или иными словами обретает культурное воплощение.

В культуре каждому из отмеченных элементов семиотики, по-видимому, соответствуют аналоги, этнокультурные составляющие, которые и обладают чертами семиотических прототипов, но отличаются от последних определенной устойчивостью во времени.

Такие аналоги терминологизируются нами как матрицы, т.е. формы «для отливки» смыслов.

Так способность репрезентамена предоставлять информацию об объекте, т.е. его иконичность, находит воплощение в матрицах имитации, о которых писал в свое время Ж. Пиаже в работе «Психогенез знаний и его эпистемологическое значение». Матрицы имитации способствуют «восстановлению в памяти объектов, а это восстановление в памяти требует формирования специфического инструмента, которым и является семиотическая функция (отсроченная имитация, символическая игра, мысленный образ, который является

интериоризованной имитацией, язык жестов и т.п. в добавление к звуковому языку» (Пиаже 2001: 104). Матрицы имитации в культуре – это обращенные в прошлое, в историю смыслы, которые обладают чертами, напоминающими об объекте, или его присутствии. Они могут быть как невербальными, так и облаченными в лингвистическую форму. Структура таких знаков претендует на имитацию функций, компонентного состава или других характеристик объекта. Ж. Пиаже отмечает: «Я наблюдал, как возникает семиотическая функция у моих детей. Сначала у одной из моих дочерей. Я ей предлагаю приоткрытый спичечный коробок, положив туда на глазах у дочери какой-нибудь предмет (например, наперсток: я подчеркиваю, что положенное в коробок несъедобно, далее будет ясно почему). Девочка пытается открыть коробок, чтобы достать предмет, она вертит его в руках, но это ничего ей не дает; наконец, она прекращает манипуляции с коробком, смотрит на него, и при этом открывает и закрывает рот; это служило символизацией того, что необходимо было сделать (ведь в коробке не было ничего съедобного). Еще один новый факт подтверждает такую интерпретацию. Я повторил тот же опыт четыре года спустя и предложил коробок моему сыну в том же возрасте. Вместо того чтобы закрыть и открыть рот, когда ему не удалось открыть коробок, он посмотрел на щель и на свою руку, потом разжал и сжал руку. Следовательно, это также символизация, только на этот раз в ручных терминах, но сразу же видно, что это снова представление цели, которую необходимо достигнуть...» (Пиаже 2001: 146).

Именно матрицы имитации через семиотическую функцию отвечают за передачу культурной информации во времени, поскольку способны хранить в себе структурную организацию объекта. Так, например, лингвистическая форма богатства индоевропейцев находит выражение в формуле *goods and chattels*, где она имеет значение «богатство» вообще. Данная формула – меризм, т.е. двуединая структура, обозначающая богатство через его компоненты – движимое и недвижимое имущество. Однако, в целом достаточен смысл *all the wealth*. Полагаем, что устройство самой матрицы формулы копирует структуры реальности, а сама форма для отливки открыта для заполнения идеями-копиями.

	Goods non movable richies
Wealth	Chattels movable richies

Компоненты богатства в биноме *goods and chattels* означают все богатство, а по отдельности эти смыслы даже можно опустить в переводе.

Знаки – индексы, существующие *hic e nunc*, предполагают особое устройство культурной матрицы. Назовем ее матрицей референции. Определенная черта такой матрицы – это зонирование смыслов, т.е. ее ячейки в культуре имеют жестко предопределенное место, которое не подлежит какому либо изменению. Так, индоевропейский корень *sue* “свой” отражается в зоне третьего лица единственного числа в латинском как *suus*, тогда как образованное от того же корня русское *свой* сочетается с любым лицом – первым, вторым, третьим. Я свой, Ты свой, Он свой... Зонирование смыслов в русском характерно для референции в индоевропейских языках, так как историческая трехчленная

система указания соответствует референционной модели индоевропейского языка (см. подробнее: Степанов 1975).

Трехчленная система референции сохранилась в латинском, испанском, а также сербохорватском. Например, серб.-хорв. *Evo мени, ето теби, ено њему*. Референционная матрица лежит в основе принципов построения всего пространства индоевропейского синтаксиса.

Наконец, знаки-символы характеризуются отнесенностью в будущее, а их существование, согласно нашему убеждению, образует свободные иерархические матрицы, которые удерживаются в памяти культуры как некоторые перечни или списки ценностей. Так, иерархическая матрица культурного концепта 'вера' может иметь разные конфигурации: 'вера' как доверие, убежденность и 'вера' как религия, верования. Такие перечни имеют доминирующий признак – матричную доминанту, которая управляет совокупностью всех смыслов, заполняющих ячейки культурного аналога знака символа.

Сами иерархические матрицы отражают специфику семиотической реальности, поскольку к ним прямо подходит определение знака, известное еще со средневековья: *Aliquid quid stat pro aliquo* (что-то, что стоит вместо чего-то).

Индоевропейские культуры по-разному хранят информацию, если рассматривать эти формы с семиотической точки зрения. Нами постулируется матричный характер форм хранения негенетической информации, в целом, и символической лексики, в частности.

Под иерархической матрицей культурного концепта мы понимаем формализованную (точнее, не произвольно отобранную, не хаотическую) логическую последовательность, наподобие алфавитного ряда, включающую перечень смыслов, имеющих культурную ценность. Матрицы отражают разные грани концепта, его совокупный смысл и узус. Заполнение матрицы осуществляется в соответствии с культурными представлениями и понятиями конкретного народа. При этом отбираются те признаки, которые коллективное сознание языкового сообщества признает существенным для описываемого концепта. Последовательность перечисления признаков в матрице не произвольная, а строго иерархичная, обеспечивающая максимальную точность выражения смысла. Иерархия – следствие наличия матричной доминанты. При этом открывается некий принцип существования культурных концептов как знаковых-символов. Они имеют что-то, что стоит за символом концепта – матричную доминанту – решающий смысл для знака. И действительно, когда мы говорим, что мы верим в Бога, мы верим в дружбу, то актуализируем как бы то, что стоит за данной символической лексикой, т.е. в нашем определении, матричную доминанту. В первом случае – концепт *религия*, во втором – *доверие*.

Матрицы – это углубленные структурированные определения с фиксированными признаками, и по сравнению с лексическими значениями они передают более глубокие, ценностные смыслы.

В работе Л.А. Харламовой на англосаксонском материале предлагаются следующие построения:

Ср. наполнение матрицы концепта ‘Belief’ (Культурный смысл доверие надежному партнеру):

Словесный символ концепта Belief
Матричная доминанта trust
Ассоциативный признак confidence
Ассоциативный признак reliance
Ассоциативный признак credence

Нами подробно выделяются компоненты, образующие структуру матрицы: 1) словесный символ, т.е. форма концепта; 2) кластеры – иерархические сочетания оттенков смысла; 3) матричная доминанта – дифференциальный признак, отличающий один смысл концепта от других; 4) ассоциативные признаки концепта – компоненты внутри кластера, перестановка признаков в занимаемых ячейках ведет к образованию иных структур – иных матриц; 5) интегральный смысловой признак, общий для всех кластеров матрицы данного концепта, содержится в слове – символе концепта.

Ср. матрицу концепта Вера (вера как религиозное чувство):

Словесный символ концепта Belief
Матричная доминанта Faith
Ассоциативный признак Religion
Ассоциативный признак Worship
Ассоциативный признак Cult

В таком же порядке рассматриваются матрицы концепта Belief с другими доминантами (Харламова 2006).

Любопытно, что более сложные лингвокультурные смыслы также организованы по матричному принципу. Например, формулы и даже тексты. Так, формула “вера, надежда, любовь” присутствует в индоевропейских языках с периода христианизации. Формула – это типичное сочетание нескольких концептов, т.е. фактов «Словаря» (фактов парадигматики), воплощаемая в столь же типичных контекстах (т.е. фактах синтагматики, достаточно длинных отрезков текста). Показательные примеры: евангельский текст Первого послания ап. Павла Коринфянам (как вероятные параллели встречаются немецкое Glaube, Hoffnung, Liebe, нидерландское geloof, hoop, liefde и др.).

Культурная тема формулы представляет собой перечень смыслов, передающих в совокупности идею христианского благочестия, а в светском понимании – идею высших ценностей личности. Сама формула может быть описана в терминах матрицы. Однако это будет матрица более высокого порядка, чем матрица отдельно взятого концепта, матрица второго порядка. Роль смысловых признаков в ней исполняют составляющие ее концепты.

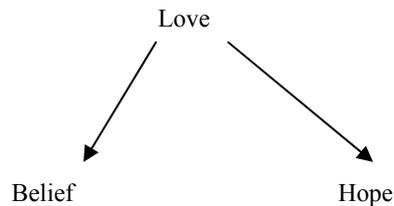
Идея расширения описываемой системы, притом расширения структурированного, получила в современной науке название Autopoietica – творческое самопостроение.

Формульная синтагма это ничто иное как тот же перечень, список ценностей, управляемый также матричной доминантой. «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (13:13). «Сии три» (these three), таким образом, выделены в исключительную группу, подняты апостолом превыше других добродетелей и, дополняя друг друга, возглавляют иерархию христианских ценностей.

Творческое самопостроение, отраженное в формуле послания, имеет глубинную этимологическую природу.

Современное английское слово belief вера, родственное др.-сакс. Gilotho (вера), гот. galaubeins (вера), современному love, восходит к индоевропейской основе *leubh. В готском однокорневыми словами выражаются концепты Надежда Lubains и Любовь – Lubo, от того же и.-е. корня.

Этимологический круг формулы на германском материале выстраивается по принятому в культуре алгоритму выделения ценностей и коррелирует с библейским апостольским текстом главы 13 Первого послания св. апостола Павла Коринфянам.

Символом концептуального построения является сама формула, а ее управляющей ценностью – матричной доминантой – предстает концепт любовь.

Роль таких внесемантических завершений определена в индоевропейской культуре той ролью, которая отводится концепту, который назван последним в серии (ср. работу Бенвениста о синтагмах *самый последний, самый красивый, самый первый* и т.д.).

Ориентация акцента на последний знак перечня в синтагматике текста прослеживается в индоевропейских зачинах сказки (было три сына – старший умный был детина, средний был и так и сяк, младший вовсе был дурак), а также других формульных сочетаниях типа *Свобода, равенство и братство*. Так, доминанта формулы как братство также глубинно детерминирована ключевым культурным концептом индоевропейской культуры sue. Быть свободным у индоевропейцев можно лишь тогда, когда ты *свой* ср. др.-инд. suadhina «свобода» и рус. *свой* и термины родства в индо-европейской культуре.

То, что формулы ассоциированы в индоевропейском с системой счета, можно объяснить списочным характером хранения информации – например, алфавитные тексты в др.-рус. *Азь Букы Веди* или гот. *Aza Berkna Geba* – это матрицы допускающие не только смысловые синтагмы типа «Я буквы знаю» или «Один березу (материал для письма) даровал», но и последовательности счета до трех.

За компонентами формулы скрываются особенности счета до трех, а сами компоненты формул – это счетные слова индоевропейской культуры. Так, Вера – это первое, Надежда – это второе, Любовь – это третье. Так, на Руси и шире в индоевропейском пространстве именуют не только Лиц (святые римлянки, казненные за веру в Христа), но и объекты (горы, заводские трубы и т.д.).

Ю.С. Степанов обращает внимание на проблемность внесемантических завершений, связанных с настоящими концептами. Однако на более высоком уровне – уровне формульности – присутствует идея иконичности, проявляющаяся через принцип последовательности. Ср. иконичность *veni, vedi, vici* и последовательность совершенных действий: сначала пришел, потом увидел и затем победил.

Слова формулы *Вера, надежда, любовь* могут описывать один и тот же фрагмент действительности и относиться к одной и той же ситуации общения, предполагающей наличие двух актантов: если один верит, значит другой внушает ему доверие, если один надеется, то другой подает надежду; один любит, другой вызывает к себе любовь. Один актант подразумевает существование другого, отношения между ними выражают смысл ситуации договора или приглашения. Как справедливо замечает Ю.С. Степанов, слова *вера, надежда, любовь* образуют замкнутый круг общения между актантами: верующие надеются (уповают) на того, кого они любят (например, на Бога). Вера порождает надежду на того, кому верим, а верные и надежные партнеры вызывают привязанность и любовь. Верность (вера) предполагает или даже подразумевает надежность (надежду). В характеристике человека «верный» и «надежный» являются синонимами. Направленность действий в круге общения может быть и обратной, когда любящий верит и надеется, а может и быть обоюдной, когда оба актанта взаимно верят, надеются и любят. При этом возникает вектор высказывания: от первого актанта ко второму, от второго – к первому, а иногда – в обе стороны, обоюдно. В круговороте общения вектор высказывания может меняться, при этом актанты как бы меняются ролями.

Однако формула остается по структуре матрицей, поскольку, например, может меняться ее матричная доминанта. Ср. формулу с перестановкой, в названии книги Grun: Glaube. Liebe. Hoffnung. Итак, более высокий порядок достраивается на более низком – порядке иерархических ценностей.

В семиотике Ч.С. Пирса исследуются непосредственно формы отношения репрезентамена к объекту. Данные отношения простираются в область культурной памяти. Культурная память, как нами представляется, имеет в своей основе некие «окаменелости» (англ. fossils), которые обладают устойчивостью во времени. Их сохранность гарантирована панхронической семиотической функцией, возникающей у человека от природы. Разумеется, определенные нами матрицы – аналоги знаков-икон, знаков-индексов, знаков-символов – это в некоторой степени идеализированные модели. В реальном употреблении смыслы могут представать как комбинации указанных ресурсов.

Литература

Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Антология / Сост. Ю.С. Степанов М., 2001.

Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975.

Харламова Л.А. Матричный принцип формулы 'Faith, hope, charity' и составляющих ее концептов (на материале английского языка и культуры) Автореф. дис.... канд. филол. наук. Барнаул, 2006.

Proskurin S. Essays on current semiotics. Novosibirsk, 2007.

Watkins C. How to kill a Dragon. Aspects of Indo-European Poetics. Oxford, 1995.